

¹³ Там же. – С. 35.

¹⁴ Там же. – С. 36–40.

¹⁵ См.: Марсель, Г. Быть и иметь [Электронный ресурс] / Г. Марсель. – Режим доступа : <http://agnuz.info/book.php?id=219&url=index.htm>.

¹⁶ Фромм, Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни / Э. Фромм. – М. : Айрис-пресс, 2004. – С. 111.

¹⁷ Там же. – С. 109–110.

¹⁸ Там же. – С. 91–108.

¹⁹ Там же. – С. 112.

Е. А. Николаев

ШАХМАТНАЯ ПАРАДИГМА ЗНАЧЕНИЯ

В данной статье рассматривается интерсубъективистский подход к проблеме значения, которое выступает как деятельность, как когнитивное взаимодействие сознаний. В результате такого взаимодействия знак формирует функции, совокупность которых образует значение.

Ключевые слова: интерсубъективность, значение, знак, референт, шахматная парадигма.

При анализе всего многообразия шахматной литературы довольно часто встречается термин *значение*. Так, например, 6-й чемпион мира по шахматам М. М. Ботвинник, комментируя свою партию с Г. Абрамовичем, пишет буквально следующее: «Этот размен решает; лишняя фигура белых не имеет большого *значения*» (курсив наш – *Е. Н.*)¹. И это не единственный комментарий М. М. Ботвинника: «Эта позиция имеет важнейшее *значение*» (курсив наш – *Е. Н.*)². 12-й чемпион мира Анатолий Карпов также нередко в своей лексике использует термин *значение*: «Пешка h2 не имеет *значения* (курсив наш – *Е. Н.*), главное – не дать неприятельскому ферзю активизироваться на королевском фланге»³. Наконец, ещё один комментарий А. Карпова, в котором также фигурирует термин *значение*: «Маневр 14. Ke4 не имел самостоятельного *значения*...» (курсив наш – *Е. Н.*)⁴. А вот ещё один пример, который показывает, что *значение* может иметь не только ход или фигура, но даже и сама конкретно сыгранная партия: «Меня допустили к участию лишь по настоянию моего учителя Ботвинника, – пишет Г. Каспаров, – поэтому результат имел важное *значение* (курсив наш – *Е. Н.*) не только для моей, но и для его репутации»⁵. Иллюстрацию цитат, конечно же, можно было бы и продолжить, но и так нетрудно заметить, что в шахматах *значение* имеет буквально всё: фигура, позиция, пешка, маневр и т. д. Однако, к сожалению, в шахматной литературе до сих пор ещё не встречается определения этого термина.

Несомненно, что в сложившейся ситуации следует обратиться к опыту психологии и лингвистики, поскольку в рамках этих наук давно уже изучается проблема *значения*. Так, например, один из крупнейших отечественных психологов Л. С. Выготский в работе «Проблема сознания» писал по поводу знака следующее: «Знаку присуще *значение*»⁶ (курсив наш – *Е. Н.*). В другом месте всё той же работы он категорически утверждал: «Нет вообще знака без *значения* (курсив наш – *Е. Н.*). Смыслообразование есть главная функция знака. Значение есть всюду, где есть знак. Это

есть внутренняя сторона знака. *Значение* присуще знаку»⁷. В связи с этими высказываниями Л. С. Выготского следует обратить внимание на то, что в шахматах вся без исключения деятельность шахматиста опосредована знаками, всё многообразное сочетание которых выступает в форме специфического процесса мышления.

К сожалению, Л. С. Выготский так и не успел создать более или менее последовательную теорию значения, хотя и известно, что в последние годы жизни он напряжённо над ней работал: «Отношение деятельности к переживанию (проблема значения)»⁸, – в этой цитате указано всего лишь направление, в котором следует исследовать феномен значения. Не дают ответа на этот вопрос и другие его размышления: «*Значение есть путь от мысли к слову*»⁹. Однако каков этот путь, так и осталось неясным. Не удалось найти чёткого определения значения и в других работах Л. С. Выготского: «С психологической точки зрения значение слова прежде всего представляет собой обобщение»¹⁰, – пишет учёный в своей самой известной работе «Мышление и речь». В другом месте всё той же знаменитой работы автор вообще категорически заявляет: «Обобщение и значение слова суть синонимы»¹¹. Интересно было бы, конечно же, значение свести к обобщению. Но дело здесь в том, что разные науки по-разному трактуют содержание понятия *обобщение*. В логике, например, обобщению даётся следующее определение: «Обобщение – это переход от объёма заданного понятия к понятию с большим объёмом (от вида к роду)»¹². Сам же Л. Выготский обобщение определял следующим образом: «Обобщение есть выключение из наглядных структур и включение в мыслительные структуры, в смысловые структуры»¹³. Однако из контекста трудов учёного непонятно, как же всё-таки функционирует механизм обобщения. Таким образом, в трудах Л. С. Выготского не встречается чёткого определения категории значения. Тем не менее, нетрудно заметить, что учёный всё время категорию *значения* связывал со словом, то есть он разрабатывал теорию именно *языкового значения*.

Ну что ж, если нет более или менее последовательной теории значения в психологии, следует обратиться к достижениям лингвистики как науки: «Можно достаточно обоснованно утверждать, что в современном языкознании доминирует *объективизм* – взгляд, – как утверждает один из наиболее значительных представителей современной российской когнитивной науки, доктор филологических наук, профессор А. В. Кравченко, – в соответствии с которым языковой знак (слово, предложение) имеет *значение* (курсив наш – Е. Н.) постольку, поскольку он замещает, репрезентирует нечто, лежащее за пределами языка – реально существующие в физическом мире объекты либо отношения между двумя или более объектами»¹⁴. Отсюда, в полном соответствии с философской позицией объективного реализма, под влиянием которого проходило развитие науки о языке в последние два столетия, сформировалась и теория значения, которая получила название структурно-семантической. Доктор филологических наук, профессор А. П. Чудинов в своей монографии «Россия в метафорическом зеркале» сформулировал основные положения структурно-семантической теории значения: «Значение слова атомарно, то есть оно разложимо на ряд семантических признаков, среди которых <...> выделяются категориальные, дифференциальные, интегральные и ассоциативные (в других концепциях количество выделяемых типов сем обычно увеличивается). Важно максимально полно определить число образующих значение сем, выявить их статус и специфику взаимосвязей»¹⁵.

Анализ критической литературы, касающейся структурно-семантической теории значения, показывает, что сегодня эта теория безнадежно устарела и не отвечает требованиям современности. В основе причин такого сложившегося неудовлетворительного положения дел в структурно-семантической теории значения находятся,

как считает А. В. Кравченко, две догмы, появившиеся вследствие ошибочного понимания природы языкового значения. В основе первой догмы лежит ошибочное представление об автономности языкового значения: «В соответствии с первой догмой, – указывает А. В. Кравченко, – значения суть нематериальные предметы, а область языковых значений *независима* (курсив наш – *Е. Н.*) от материального мира, она существует в сфере “мыслительных объектов” (ментальных репрезентаций)»¹⁶. В основании второй догмы лежит неверное представление о композиционности языкового значения: «В соответствии со второй догмой, значения могут быть разложены на (нематериальные) атомарные объекты, – пишет А. Кравченко, – реально допустимые сочетания которых образуют значения языковых выражений; сами же атомы (так называемые “семи”) остаются *низменными* (курсив наш – *Е. Н.*) в своих различных сочетаниях»¹⁷. Таким образом, поскольку структурно-семантическая теория значения утверждает, что «сами же атомы (так называемые “семи”) остаются неизменными», она тем самым отрицает возможность развития *значений* слов. А ведь ещё Л. С. Выготский убедительно доказал, что «когда ребёнок впервые узнаёт *значение* (курсив наш – *Е. Н.*) нового для него слова, процесс развития понятия не заканчивается, а только начинается»¹⁸. Говоря другими словами, *значение* – это «организм», который «рождается», развивается и «умирает». И именно в развитии структурно-семантическая теория и отказывает *значению*. Такое положение дел в лингвистике побудило доктора филологических наук, профессора Е. С. Кубрякову написать следующее: «Язык помогает выйти человеку за границы его актуального опыта... почёрпнутого как в ходе когниции (получения информации обыденным сознанием), так и в ходе научного познания и постижения мира и благодаря возможности строить номинальные определения неким гипотетическим (абстрактным, безденотатным, метафизическим и пр.) объектам. Ключом и к тем, и к другим оказываются, – как считает она, – **языковые значения**. В этом отношении главной задачей КЛ (когнитивной лингвистики – *Е. Н.*) по-прежнему *остаётся определение тайны и природы значения* (курсив наш – *Е. Н.*), обнаруживаемого лингвистом в знаковых (языковых) формах, репрезентирующих в этих формах разнообразные смыслы, концепты, знания»¹⁹. Ну а поскольку Е. С. Кубрякова рекомендует учёным-когнитологам заняться исследованием «тайны и природы **значения**», целесообразно последовать её совету и проанализировать уже имеющиеся в науке когнитивные теории значения.

Характеристику когнитивного подхода к теории значения можно найти у А. П. Чудинова: «Значение слова является частью общей понятийной системы человека. Оно (значение – *Е. Н.*) определяется особенностями концептуализации мира человеком, которые в свою очередь обусловлены опытом его взаимодействия со средой и способностью к мышлению. Значение слова – это своего рода гештальт, поле, в котором выделяются центр и периферия, яркие и слабые признаки; точный подсчёт их числа не имеет особого смысла, крайне сложен и не входит в число первоочередных задач, – пишет учёный, – поскольку когнитивная лингвистика постулирует невозможность и ненужность дифференциации языковой и энциклопедической информации»²⁰. К сожалению, при изложенном выше когнитивном подходе остаётся абсолютно неясной природа значения, а также каким образом значение обуславливается опытом взаимодействия человека со средой. Непонятно также, почему это «когнитивная лингвистика постулирует невозможность и ненужность дифференциации языковой и энциклопедической информации»? А для чего же тогда нужен язык? В противовес позиции А. П. Чудинова доктор филологических наук, профессор М. А. Кронгауз отстаивает следующее положение: «В когнитивной лингвистике семантика безусловно занимает главное место, а значение рассматривается как основ-

ной объект исследования»²¹. Более того, М. А. Кронгауз указывает направление, в котором он рекомендует исследовать природу значения: «Основной вопрос, связанный со значением, звучит следующим образом: “Что такое значение?” <...> Обычно его заменяют другим: “Что понимается под значением?” Но и этот вопрос достаточно сложен»²². К сожалению, мы вынуждены констатировать факт, что сегодня нет теорий, которые могли бы вразумительно ответить на поставленный М. А. Кронгаузом вопрос: «Что такое значение?» Более того, существующие сегодня в психологии и лингвистике теории значения невозможно использовать в других областях общественной деятельности, например, в музыке или же в шахматах, поскольку все эти теории касаются именно *языкового значения*. Что же касается шахмат, то в этой игре не поощряется, а в серьёзных турнирах даже вообще запрещается языковое общение. Говоря другими словами, в шахматах вообще не применимо *языковое значение*. Поэтому исследование процессов функционирования значения в шахматах позволит по-иному взглянуть на природу этого феномена.

С этой целью возникает необходимость обратиться к творчеству Л. Витгенштейна, который впервые в науке сопоставил *значение* в шахматах и в языке. Однако к компаративному анализу *значения* в шахматах и языке австрийский философ пришел не сразу, а с помощью сопоставления терминологических конструкций «шахматная игра» и «языковая игра». Он специально вводит в свои сочинения терминологическую конструкцию «шахматная игра». Но что характерно, философ использует данную конструкцию преимущественно в контексте тех своих рассуждений, где речь идёт о «языковой игре» – «ключевом понятии философии позднего Витгенштейна», – как указывает в статье «Идея “языковых игр”» доктор философских наук М. С. Козлова²³. Обращает на себя внимание также тот факт, что параллельное употребление этих двух терминологических конструкций довольно часто сопровождается использованием логического приёма *аналогии*. Убедительной иллюстрацией к сказанному может послужить следующий пример: «Вопрос “Чем реально является слово?”, – спрашивает себя Л. Витгенштейн, – *аналогичен* (курсив наш – Е. Н.) вопросу “Что такое шахматная фигура?”»²⁴. В отечественной философской науке, пожалуй, только лишь А. Ф. Грязнов обратил внимание на факт активного использования Л. Витгенштейном приёма *аналогии* языковой деятельности с «шахматной игрой»: «Для того чтобы исследовать использование лингвистических знаков, Витгенштейн и вводит получившее большую известность понятие “языковая игра”. В ранний период он широко пользовался *аналогией* (курсив наш – Е. Н.) с шахматной игрой, – пишет автор “Аналитической философии”. – Позднее он продолжал пользоваться этой *аналогией* (курсив наш – Е. Н.), но уже перестал считать правила шахматной игры наиболее типичными для всего класса игр. Такого “общего”, с его точки зрения, просто не может быть»²⁵. К сожалению, своё утверждение, будто Л. Витгенштейн в поздний период творчества «перестал считать правила шахматной игры наиболее типичными для всего класса игр», А. Ф. Грязнов почему-то не посчитал необходимым обосновать какими-либо конкретными ссылками на труды австрийского философа. А это имеет большое теоретическое значение, поскольку из приведенной выше цитаты следует, будто Л. Витгенштейн искал нечто «общее» исключительно с целью создания некоей теории игр, что не соответствует истине.

Однако, как верно подметил А. Ф. Грязнов, Витгенштейн действительно «широко пользовался *аналогией* (курсив наш – Е. Н.) с шахматной игрой», причём не только в ранний период своего творчества, но также и в последних своих трудах. Более того, есть основания для утверждения, что философ обращался к упомянутой *аналогии* вполне сознательно, о чём свидетельствует содержание написанного им «Предисловия» к «Философским исследованиям»: «Публикуемые здесь мысли –

конденсат философских исследований, занимавших меня последние шестнадцать лет. Они касаются многих вопросов: понятия “значение”, понимания, предложения, логики, оснований математики, состояний сознания и многого другого... Я с самого начала намеревался объединить все эти мысли в одной книге... Но мне казалось существенным, чтобы мысли в ней переходили от одного предмета к другому в естественной последовательности»²⁶. Исходя из изложенных выше намерений самого автора, вполне логично было бы предположить, что его обращение к шахматам уже на первых страницах «Философских исследований» целиком отвечало стремлению Л. Витгенштейна переходить «от одного предмета к другому в естественной последовательности». И как показывает анализ его последних сочинений, переход этот философ осуществлял преимущественно с помощью разнообразнейших *аналогий*. В качестве иллюстрации к сказанному целесообразно обратиться к следующей цитате из «Философских исследований» Л. Витгенштейна: «Причисление образцов к инструментам языка наиболее естественно и ведёт к наименьшей путанице... Подумай о различных точках зрения, исходя из которых можно сгруппировать инструменты по их типам. Или шахматные фигуры – по типам фигур»²⁷. Приведенный выше пример – это первый случай использования Л. Витгенштейном в рассматриваемом сочинении *анalogии* шахмат с языковой игрой. И уже здесь отчётливо заметными являются факты, до сих пор почему-то ускользавшие от глаз исследователей.

Во-первых, А. Ф. Грязнов, указавший на широкое использование *анalogии* в творчестве Л. Витгенштейна, к сожалению, гносеологической функции её в «Философских исследованиях» не проанализировал. А ведь *анalogия* в теории познания является одним из важнейших метафорических механизмов формирования нового знания! Обратимся к основоположнику теории метафоры Аристотелю, который в «Поэтике» писал об *анalogии* следующее: «Переносное слово (*metaphora*) – это несвойственное имя, перенесённое с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по *анalogии* (курсив наш – Е. Н.)»²⁸. Причём, что показательно, Аристотель считал *анalogию* важнейшей из всех метафорических построений. Традиция эта, впрочем, дожила вплоть до настоящего времени. Так, например, один из основоположников сравнительного направления в теории метафоры Дж. Миллер утверждал, что «метафора – это стянутое сравнение и что вызванная ею мысль касается сходств и *анalogий* (курсив наш – Е. Н.)»²⁹. Ну а современная наука вообще считает метафору одним из важнейших когнитивных инструментов формирования нового знания: «Абстрактные концепты создаются преимущественно метафорически», – указывает Е. С. Кубрякова³⁰. Таким образом, имеются все основания для утверждения, что Л. Витгенштейн вовсе не стремился к созданию некоей «концепции игр», как это пытаются представить некоторые исследователи его творчества, напротив, философ сознательно использовал приём *анalogии* шахмат с «языковой игрой», рассматривая эту разновидность метафорической конструкции в качестве когнитивного инструмента формирования нового знания. И такие метафоры-*анalogии* красной нитью пронизывают всю ткань его «Философских исследований». Это значит, что приём *анalogии* приобретает характер методологического основания творческого метода Л. Витгенштейна.

Во-вторых, в приведенной выше цитате из «Философских исследований» Л. Витгенштейн использует ещё одну *анalogию*, которая также прошла мимо внимания исследователей. Речь идёт о метафорическом сопоставлении *шахмат* и *имени* (т. е. слова) – с одной стороны, и *инструментов* – с другой. Эти *инструменты* философ предлагал даже определённым образом классифицировать. А то, что мыслитель под *инструментами* понимал именно слово (шахматы), или же знак, не вызывает ника-

кого сомнения: «Слово “обозначать” употребляется наиболее прямым образом, по-видимому, тогда, когда на обозначаемом предмете проставляется знак. Представь себе, что на инструментах, применяемых *А* в строительстве, проставлены определённые знаки. Когда *А* показывает помощнику один из таких знаков, тот приносит ему инструмент, помеченный этим знаком, – пишет Л. Витгенштейн. – Так или примерно так имя обозначает некоторую вещь, имя даётся вещи. Занимаясь философией, часто бывает полезно напоминать себе: наименование чего-то подобно прикреплению ярлыка к вещи»³¹. Следует заметить, что в другом месте «Философских исследований» автор уже прямо называет имена именно знаками: «Но можно представить себе и языковую игру с именами (то есть со знаками, которые мы, безусловно, называли бы именами), где имена будут употребляться лишь при наличии носителя»³². Весьма примечательно, что и З. А. Сокулер, исследуя метафорические *анalogии* Л. Витгенштейна между шахматами и математикой, назвала шахматные фигуры знаками, причём также сделала это с помощью метафорических построений: «Шахматная фигура, знаком которой выступает данная фигурка, определяется через её роль в системе правил шахматной игры... То же самое можно сказать и о любом математическом понятии. Его значение – это его употребление в соответствующей математической теории»³³. Вывод, таким образом, напрашивается сам собой: имена, так же как и шахматные фигуры, выступающие в роли инструментов, являются у австрийского философа знаками. Цепочка последовательно использованных метафорических *анalogий* шахмат с языком позволила философу позднее воскликнуть: «Язык – это инструмент. Его понятия – инструменты»³⁴.

Аналогичную идею, согласно которой знаки являются инструментами, приблизительно в то же время что и Л. Витгенштейн, высказал наш соотечественник Л. С. Выготский. Правда, в отличие от австрийского философа, Л. С. Выготский называет знаки не только инструментами, но и психологическими орудиями, а также искусственными приспособлениями³⁵. Именно приём *анalogии* знаков с инструментами впоследствии позволил и Л. С. Выготскому, и Л. Витгенштейну подойти к обоснованию деятельностного, функционального характера *значения*. Так, например, в соответствии с сознательно избранной подобной методологией исследования Л. Витгенштейн осуществил это следующим образом: «Представь себе инструменты, лежащие в специальном ящике. Здесь есть молоток, клещи, пила, отвёртка, масштабная линейка, банка с клеем, гвозди и винты. Насколько различны функции этих предметов, настолько различны и функции слов»³⁶. Из приведенной здесь цитаты следует, что технические инструменты, так же как и слова, которые, теперь уже по Л. С. Выготскому, в сущности, являются психологическими инструментами, различаются по способу их применения, то есть по их функциям. Отсюда Л. Витгенштейн и выводит своё знаменитое определение значения: «Для *большого* класса случаев – хотя и не для *всех*, – где употребляется слово “значение”, можно дать следующее его определение: значение слова – его употребление в языке»³⁷. И для усиления доказательной базы, философ как раз и использует ставшую известной *анalogию* с шахматами, поскольку в этой игре любая фигура приобретает своё значение исключительно в зависимости от способа её применения: «Мы говорим: значение пешки (фигуры), – пишет автор “Философских исследований”, – это её роль в игре»³⁸. Таким образом, термин «языковая игра» является у Л. Витгенштейна всего лишь метафорой, с помощью которой он хотел подчеркнуть деятельностный, функциональный характер природы *значения*.

Для более убедительного подтверждения изложенного выше тезиса возникает необходимость указать на любопытный, но вместе с тем неоспоримый факт: в поис-

ках метафорических аналогий для обоснования функционального характера своего понимания значения Л. Витгенштейн нередко обращался не только к шахматам, но и к таким сферам человеческой деятельности, которые оказывались весьма далёкими от какой-либо теории игр. Но с «языковой игрой» всех их объединяло одно: в основе всех без исключения игр всегда лежали какие-либо знаки, то есть психологические инструменты, а также всегда без труда обнаруживался способ их применения. В качестве примера можно сослаться на неоднократное обращение философа к музыке: «Понимание предложения в языке значительно более родственно пониманию темы в музыке, чем можно предположить. Я имею в виду вот что: понимание языкового предложения и то, что принято называть пониманием музыкальной темы, по своему характеру куда ближе друг другу, чем думают»³⁹. Нередко мыслитель ищет метафорические аналогии также и в живописи: «Если сравнивать предложение с картиной, то нужно подумать, с какой – с портретом ли (историческое изображение) или же с жанровой картиной. И оба сравнения имеют смысл»⁴⁰.

Мысли о функциональном характере *значения* буквально пронизывают всё творчество Л. Витгенштейна: «Не считай само собой разумеющимся, что человек, вносящий знак, скажем – в календарь, отмечает нечто, – пишет философ. – Ибо знак имеет функцию»⁴¹. А функция и проявляет себя при «работе» *значения*. Однако поскольку в творчестве Л. Витгенштейна в большинстве случаев знак ассоциируется со словом, это даёт ему основание для следующего утверждения: «Функция должна выявляться при оперировании словом»⁴². И далее мыслитель с помощью испытанного приёма метафорической *аналогии* пытается сформировать в сознании читателя представление о функциональном характере значения: «К чему нам то же самое слово? Ведь это тождество не находит применения в исчислении [оперировании словами]! Почему одна и та же игровая фигура (шахматная фигура – *Е. Н.*) служит двум разным целям?.. Да разве не с таким применением мы имеем дело, используя то же самое слово? Причём если тождество неслучайно, существенно, то кажется, что использование того же самого слова, той же самой фигуры имеет некую *цель*. И что эта цель состоит в том, чтобы человек был способен узнавать фигуру и знал, как играть»⁴³. К сожалению, автор «Философских исследований» не счёл необходимым дать чёткое определение функции. Однако если учесть, что у Л. Витгенштейна «значение данного слова – это его употребление»⁴⁴, которое «имеет некую *цель*», то, исходя из контекста его сочинений, следует понимать под функцией некую *целеполагающую деятельность* сознания в процессе формирования значений.

Деятельностный, функциональный характер категории значения в понимании Л. Витгенштейна особенно ощутим в следующем определении «языковой игры»: «“Языковой игрой” я буду называть также единое целое: язык и *действия* (курсив наш – *Е. Н.*), с которыми он переплетён»⁴⁵. На функциональную природу значения постоянно обращал внимание и Л. С. Выготский: «*Значение* (курсив наш – *Е. Н.*) и система функций внутренне связаны между собой»⁴⁶. Такой подход к природе значения, конечно же, вступал в противоречие с господствовавшей во времена Л. Витгенштейна и Л. С. Выготского структурно-семантической теорией значения. Собственно говоря, эта теория и сейчас остаётся господствующей во всех академических учебниках и опирается на пресловутый треугольник Ч. Огдена и И. Ричардса:

В этом треугольнике представлена суть знакового отношения, которое и сейчас продолжает занимать прочные позиции благодаря наследию европейского структурализма. Треугольник Огдена – Ричардса иллюстрирует так называемую «произвольность» отношения между телом знака и его референтом в реальной (материальной, неязыковой) действительности. Эта «произвольность» объясняется тем, что, воспринимая и отображая реальный мир, человек оперирует образами и понятиями (уровень ментальной активности), вывод которых вовне и передача другим активным сознаниям в процессе коммуникации невозможны без посредничества некоторых сущностей, устанавливающих связь между миром материального (реально существующими физическими предметами и отношениями между ними) и миром идеального (мыслями человека об этом мире). «Таковыми посредниками, – пишет А. В. Кравченко, – и являются естественные языковые знаки (сосюровы «акустические образы»), связанные со своими референтами *незначащей, опосредованной* (по выражению Огдена и Ричардса) связью, в то время как между мыслью и материальным предметом (явлением), с одной стороны, и между мыслью и знаком, с другой стороны, связь имеет *значащий* характер. Именно в силу того, что эти две стороны треугольника суть значащие связи, знак, во-первых, приобретает способность репрезентировать (иному сознанию) материальный, *объективный* мир, ибо отношение между мыслью и предметом не зависит от отношения между предметом и его знаком, а во-вторых, характер его связей со всеми возможными референтами может быть описан исчерпывающим образом, поскольку при двух известных (определённых) сторонах треугольника количество допустимых значений для третьей стороны ограничено»⁴⁷.

Если подойти к семантическому треугольнику Огдена – Ричардса со структуралистских позиций как к автономной знаковой системе, в которой область языковых значений независима от материального мира, поскольку она существует в сфере «мыслительных объектов» (ментальных репрезентаций), то их трактовка языкового знака не вызывает особых возражений. «Однако, – как считает А. В. Кравченко, – это далеко не так, поскольку для каждого отдельного человека как пользователя языка то, что мы называем языковыми знаками – не что иное, как всего лишь один из множества типов *естественных* материальных сущностей (предметов, явлений), взаимодействуя с которыми человек открывает для себя их *значение* (курсив наш – Е. Н.) как наличие определённой значимой связи с другими проявлениями материального мира, включая *человека говорящего*, *homo loquens* во всех аспектах его деятельности – в том числе и мыслительной. В классическом же семантическом треугольнике не находится места фактору *иного сознания*, без которого любое схематическое представление семиозиса оказывается губительно ущербным»⁴⁸. И здесь следует особо подчеркнуть, что в процессе исследования природы *значения* на фактор необходимости наличия иного сознания в своё время обратил внимание и Л. С. Вы-

готский: «Люди общаются друг с другом значениями только в меру развития значений. Схема здесь: не человек – вещь (Штерн), не человек – человек (Пиаже). Но: *человек – вещь – человек*»⁴⁹ (курсив наш – Е. Н.).

В свете сказанного мы считаем, что именно шахматная деятельность постоянно учитывает фактор наличия иного сознания, поскольку играть в шахматы самому с собой просто бессмысленно. Следовательно, в данном случае речь должна идти о *взаимодействии сознаний*, но только не с помощью *языковых значений*, поскольку, как было сказано выше, языковое общение в шахматах не поощряется и даже иногда запрещается вообще. Такой подход перекликается со взглядами А. В. Кравченко на проблему взаимодействия субъекта когнитивной деятельности с иными сознаниями: «Речь, следовательно, должна идти об *интерсубъективистском* подходе, учитывающем множественность сознаний, благодаря которым становится возможным самый процесс языкового семиозиса. Кроме того <...> для каждого отдельного сознания всякий языковой знак, онтогенетически, есть компонент (экологической) ниши организма (элемент среды), механизм взаимодействия с которым в принципе не отличается от механизма взаимодействия с другими материальными сущностями, выступающими в роли референтов знаков. Но именно потому, что взаимодействие с естественноречевым знаком как материальным компонентом среды, в результате которого этот компонент втягивается в значащее отношение «предмет – мысль», всякий раз предполагает взаимодействие с *источником* знака как акустического явления, т. е. с другим организмом и другим сознанием, значащая связь «мысль – знак» возникает как следствие установления исходной значащей связи между двумя организмами (сознаниями), имеющей *биолого-социальную* основу»⁵⁰.

К сожалению, сам А. В. Кравченко так и не исследовал природу значения с интерсубъективистских позиций, но в качестве отправной точки исследования нам вполне достаточно и следующего его утверждения: «Предметная интерпретация языкового знака, характерная для классического взгляда на язык, является, по существу, *глубоким заблуждением*, ведущим к неизбежной объяснительной неадекватности как объективистских, так и субъективистских семиотических построений»⁵¹. Следовательно, чтобы избежать того, что А. В. Кравченко называет «глубоким заблуждением», следует отказаться от использования теорий языковых значений в духе структурно-семантических построений в процессе анализа категории значения.

Представляется, что сегодня уже созрела возможность создания новой теории значения. Для этого необходимо проанализировать *значение* через призму деятельностей сознаний в процессе шахматной игры. Но ведь взаимодействие сознаний уже является коммуникацией: «Всякий знак, если взять его реальное происхождение, есть средство связи, и мы могли бы сказать шире – средство связи известных психических функций социального характера. Перенесённый на себя, он является тем же средством соединения функций в самом себе»⁵², – писал в своё время Л. С. Выготский. Выше уже говорилось о том, что шахматная игра является игрой в знаки. Знаками здесь является без исключения всё: и шахматная доска, и фигуры, и любое поле, и нотация и т. д. Следовательно, вся совокупность этих знаков является, по Л. С. Выготскому, «средством связи известных психических функций социального характера» для сознаний двух шахматных игроков. Однако обратимся ещё раз к Л. С. Выготскому: «Изучая процессы высших функций у детей, мы пришли к следующему потрясшему нас выводу: всякая высшая форма поведения появляется в своём развитии на сцене дважды – сперва как коллективная форма поведения, как функция интерпсихологическая, затем как функция интрапсихологическая, как известный способ поведения. Мы не замечаем этого факта только потому, что он слишком повсе-

дневен и мы к нему поэтому слепы»⁵³. Таким образом, если следовать терминологии Л. С. Выготского, *коммуникативная* функция всей совокупности знаков в шахматной игре выступает одновременно в двух своих ипостасях: сперва как функция интерпсихологическая, являющаяся средством связи социального характера сознаний двух играющих шахматистов, а затем как функция интрапсихологическая, то есть функция «присвоения» знака каждым отдельно взятым сознанием. Так происходит *коммуникативная* взаимосвязь сознаний в процессе шахматной игры. Это и есть одна из основных и важнейших функций знака, без которой вообще невозможна какая-либо связь сознаний.

Теперь снова возникает необходимость обратиться за помощью к трудам Л. Витгенштейна, который поможет выявить ещё одну важнейшую функцию знака: «Но известно ли тебе, – пишет философ, – также некое переживание, характерное для указания (курсив наш – *Е. Н.*) на игровую фигуру именно как на *фигуру в игре*? А между тем можно сказать: “Я имею в виду, что “королём” называется не конкретный кусок дерева, на который я показываю, а эта *игровая фигура*”»⁵⁴. В приведенном выше примере акцент делается на *указательную* функцию знака. Следует обратить особое внимание на то, что *указательную* функцию знака автор «Философских исследований» связывает со *значением* слова: «Итак, можно сказать: указательное определение объясняет употребление – *значение* (курсив наш – *Е. Н.*) – слова»⁵⁵. Характерно, что и Л. С. Выготский также выделяет указательную функцию знака (слова), но называет её *индикативной*: «В процессе эксперимента мы наблюдали неоднократно, что первичная функция слова, которую можно назвать индикативной функцией, поскольку слово *указывает* (курсив наш – *Е. Н.*) на определённый признак, генетически более ранняя, чем сигнификативная, замещающая ряд наглядных впечатлений и означающая их»⁵⁶. Следует особо подчеркнуть, что в шахматной игре *индикативная* (указательная) функция имеет большое значение, поскольку с помощью знаков-индексов, по Ч. Пирсу, мы выделяем нотацией те или иные фигуры или поля.

Также Л. Витгенштейн выделяет и функцию *называния*: «Я поясняю кому-нибудь шахматную игру и начинаю с того, что, показывая фигуру, говорю: “Это король. Он может ходить вот так и так и т. д.”. В этом случае мы скажем: слова “Это король” (или “Это *называется* (курсив наш – *Е. Н.*) королём”) лишь тогда будут дефиницией слова, когда обучаемый уже “знает, что такое фигура в игре”»⁵⁷. Выделяет функцию называния и Л. С. Выготский, но называет её *номинативной*: «В начале развития, – считает учёный, – в структуре слова существует исключительно его предметная отнесённость, а из функций – только индикативная и *номинативная* (курсив наш – *Е. Н.*)»⁵⁸. Выше уже говорилось о том, что исследование *значения* в шахматах отличается от изучения категории *значения* в языкознании, поскольку в процессе шахматной игры не используется, или почти не используется, вербальная деятельность. Однако нецелесообразно пройти мимо *номинативной* функции знака в шахматах, так как это выгодно подчёркивает возможности исследования в этой игре категории *значения*. Собственно говоря, когнитивная лингвистика и сама подчёркивает междисциплинарный характер этой науки: «В лингвистическом теоретизировании конца XX – начала XXI вв. когнитивная лингвистика занимает несомненно доминирующее место, в частности, и потому, что здесь на язык смотрят как на одну из “когнитивных областей” человека, связанных с другими областями и поэтому отражающих взаимодействие психологических, культурных, социологических, экологических и других факторов, – пишет В. З. Демьянков. – Поэтому-то язык должен быть предметом междисциплинарного исследования – ведь структура языка зависит

от “концептуализации”, которая, в свою очередь, является результатом постижения человеком себя в окружающем пространстве бытия, а также выработки человеком отношений к этому внешнему миру»⁵⁹. Следует добавить, что шахматы также являются частью этого внешнего мира.

Выделяет также Л. Витгенштейн и *чувственную* функцию слова (знака): «Причинность – это то, что устанавливается в эксперименте, скажем, когда наблюдается регулярное совпадение процессов. Как же в таком случае можно заявлять, что *чувствуешь* то, что устанавливается опытом?.. Уж скорее можно было бы сказать: я *чувствую* (курсив наш – *Е. Н.*), что буквы служат *основанием* того, почему я читаю таким образом... Но что значит *чувствовать* это основание для высказанного или мыслимого? Я сказал бы: при чтении я *чувствую* (курсив наш – *Е. Н.*), – подчёркивает философ, – какое-то *влияние* на меня букв – но не влияние ряда завитушек произвольной формы на то, что я говорю»⁶⁰. Характерно, что чувственную функцию Л. Витгенштейн постоянно связывает со значением: «Когда моя тоска прорывается в восклицании: “О, только бы он пришёл!” – то “*значение*” (курсив наш – *Е. Н.*) этим словам придаёт определённое *чувство* (курсив наш – *Е. Н.*)»⁶¹.

Говорил о чувственной функции значения и Л. С. Выготский, но только связывал её с эмоционально-аффективной деятельностью сознания: «Каждой фразе, каждому разговору предшествует возникновение мотива речи – ради чего я говорю, из какого источника *аффективных* (курсив наш – *Е. Н.*) побуждений и потребностей питается эта деятельность»⁶². В следующем своём размышлении Л. С. Выготский уже прямо вплетает аффект в *значение* слова: «Слово вбирает в себя, впитывает из всего контекста, в который оно вплетено, интеллектуальные и *аффективные* (курсив наш – *Е. Н.*) содержания и начинает значить больше или меньше, чем заключено в его значении, когда мы его рассматриваем изолированно и вне контекста: больше – потому, что круг его значений расширяется, приобретая ещё целый ряд зон, наполненных новым содержанием: меньше – потому, что абстрактное значение слова ограничивается и сужается тем, что означает слово только в данном контексте»⁶³. Ну а если учесть, что под мышлением понимается знаковая, в том числе и вербальная, деятельность человеческого сознания, о чём уже было сказано выше, то несомненным становится важнейшая роль аффекта в процессах мышления: «Кто оторвал мышление с самого начала от аффекта, тот навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления, – неоднократно подчёркивал Л. С. Выготский, – потому что детерминистский анализ мышления необходимо предполагает вскрытие движущих мотивов мысли, потребностей и интересов, побуждений и тенденций, которые направляют движение мысли в ту или иную сторону»⁶⁴.

В шахматах же эмоционально-аффективная деятельность сознания проявляется очень ярко. Наблюдающие за игрой шахматистов нередко замечают эмоции, переполняющие соперников: они ликуют после удачного хода и глубоко огорчаются после неудачного, «живут» в ожидании свершения неких своих предчувствий. И эти эмоции, о которых впоследствии довольно часто вспоминают участники турниров, составляет канву любой шахматной партии. Так, например, А. Карпов, комментируя свою партию с Е. Гиком, писал по поводу эмоциональных переживаний своего противника следующее: «Но после взятия на g6 конём чёрные *предвкушали* (курсив наш – *Е. Н.*) близкую победу – атака белых отбита»⁶⁵. А вот что пишет М. Ботвинник в своих воспоминаниях о партии с В. Рагозиным: «Здесь я настолько был *потрясён* (курсив наш – *Е. Н.*) всем ходом событий, что растерялся и немедленно проиграл партию»⁶⁶. Наконец, ещё одно воспоминание М. Ботвинника о юношеской встрече с Г. Абрамовичем: «Од был совершенно *подавлен* (курсив наш – *Е. Н.*) и почти сразу

допустил непоправимую ошибку»⁶⁷. И подобных примеров можно привести бесконечное множество.

Учитывая огромную важность эмоционально-аффективного фактора в протекании шахматной партии, великие шахматисты большое внимание всегда уделяли психологической подготовке: «Психология здесь очень важна, – считает Гарри Каспаров, – сколько бы это ни отрицали многие гроссмейстеры, утверждая: “Я играю против фигур”. Даже в такой игре, как шахматы, имеющей вид математической головоломки, любой игрок получает большое преимущество при правильном психологическом настрое на каждом этапе работы, а не только за шахматной доской»⁶⁸.

Компаративный анализ трудов Л. Витгенштейна и Л. С. Выготского, а также изучение творений выдающихся шахматистов позволили сделать ряд важных выводов. Мы считаем, что именно шахматы позволяют рассматривать *значение* как деятельность, как процесс, в котором переплетаются коммуникативная, индикативная, номинативная и эмоционально-аффективная функции. Совокупная деятельность этих функций, возникающих при употреблении знака, образует значение. И здесь необходимо обратить внимание на интересное явление: ни одна из функций не выступает сама по себе. Дело в том, что знак в любой человеческой деятельности, а в данном случае в шахматной, возникает из необходимости взаимодействия сознаний. В шахматах это видно отчётливо, поскольку здесь «работает» невербальное мышление. В треугольнике Ч. Огдена и И. Ричардса, о котором речь шла несколько выше, взаимодействие сознаний не отражено, поскольку там учитывается только одно сознание. Поэтому анализ функционирования значения в шахматах позволяет проследить как *взаимодействуют сознания*. Сначала *значение* знака (шахматной фигуры, поля и т. д.) выступает в виде коммуникативной функции, связывающей сознания играющих шахматистов. Затем в процессе игры к коммуникативной функции прибавляется индикативная, поскольку шахматист делает ход на какое-либо поле и обозначает ход фигуры с помощью нотации. Говоря другими словами, коммуникативная функция в этом случае неразрывно объединена с индикативной, поскольку опять-таки связывает сознания. Почти одновременно с индикативной на сцену выступает номинативная функция, которая опять-таки оказывается неразрывно связанной с коммуникативной. Таким образом, коммуникативная функция выступает в роли «транспортного моста», связывающего сознания играющих шахматистов подобно двум берегам.

Мы считаем, что есть все основания для утверждения, что и эмоционально-аффективная функция также неразрывно связана с коммуникативной. Вот, например, как Гарри Каспаров описывает историю с доктором психологии Владимиром Зухарем: «Во время игры Зухарь сидел в 4-м ряду зрительного зала и неотрывно смотрел на Корчного. Его это нервировало и приводило в замешательство, и в конце концов он потребовал отсадить подальше “советского парапсихолога”, якобы пытавшегося воздействовать на его мышление. Советская команда отвергла это требование и выдвинула встречные. Так началась безумная эпопея, в ходе которой Зухарь не раз менял своё место в зале. В противовес Зухарю Корчной пригласил собственного “парапсихолога”, но тот не оправдал его надежд и вскоре был отставлен. Перед 17-й партией Корчной даже отказался начинать игру, пока Зухаря не пересадят подальше от сцены. Этот протест отнял у претендента те самые драгоценные минуты, которых ему потом не хватило, чтобы избежать грубой ошибки. В жестоком цейтноте он сначала упустил выигрыш, а затем угодил под мат и проиграл»⁶⁹. Отчётливо видно, что и эмоционально-аффективная функция также неразрывно связана с коммуникативной. Но это означает, что каждый из играющих в шахматы в приведенном

выше примере действовал исключительно в рамках своей когнитивной области, в которой любая из существующих истин для каждого из играющих в шахматы будет зависеть от опыта многих эмоционально-аффективных переживаний. На этом фоне коммуникация, неразрывно связанная с эмоционально-аффективными переживаниями, предстаёт как биологическое бытие человека, что и заставляет совсем по-иному взглянуть на природу значения.

Значение, таким образом, есть знаковое функциональное взаимодействие сознаний.

Примечания

¹ Ботвинник, М. М. Аналитические и критические работы 1928–1986 : статьи, воспоминания / М. М. Ботвинник. – М. : Физ-ра и спорт, 1987. – С. 149.

² Там же. – С. 276.

³ Карпов, А. Е. Мои лучшие партии / Анатолий Карпов. – М. : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2002. – С. 14.

⁴ Там же. – С. 71.

⁵ Каспаров, Г. Шахматы как модель жизни / Гарри Каспаров. – М. : Эксмо, 2007. – С. 256.

⁶ Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1 : Вопросы теории и истории психологии / Л. С. Выготский ; под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского. – М. : Педагогика, 1982. – С. 158.

⁷ Там же. – С. 162.

⁸ Там же. – С. 157.

⁹ Там же. – С. 160.

¹⁰ Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии / Л. С. Выготский ; под ред. В. В. Давыдова. – М. : Педагогика, 1982. – С. 17.

¹¹ Там же. – С. 297.

¹² Суханов, К. Н. Логика : учеб. пособие / К. Н. Суханов ; Челяб. гос. ун-т. – Челябинск, 2004. – С. 43.

¹³ Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1... – С. 167.

¹⁴ Кравченко, А. В. Является ли язык репрезентативной системой? / А. В. Кравченко // *Studia Linguistica Cognitiva*. – Вып. 1. Язык и познание : методол. проблемы и перспективы. – М. : Гнозис, 2006. – С. 144.

¹⁵ Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000): монография / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. – 2-е изд. – Екатеринбург, 2003. – С. 33.

¹⁶ Кравченко, А. В. Является ли язык... – С. 140.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 2... С. 191.

¹⁹ Кубрякова, Е. С. Что может дать современная лингвистика исследованию сознания и разума человека / Е. С. Кубрякова // Международный конгресс по когнитивной лингвистике : сб. материалов 26–28 сент. 2006 года / отв. ред. Н. Н. Болдырев ; Федер. агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2006. – С. 30–31.

²⁰ Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. – 2-е изд. / Урал. гос. пед. ун-т. ; А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2003. – С. 33–34.

²¹ Кронгауз, М. А. Семантика : учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений.

2-е изд., испр. и доп. / М. А. Кронгауз. – М. : Академия, 2005. – С. 264.

²² Там же. – С. 53.

²³ Козлова, М. С. Идея «языковых игр» / М. С. Козлова // Философские идеи Людвига Витгенштейна ; отв. ред. М. С. Козлова. – М. : ИФРАН, 1996. – С. 5.

²⁴ Витгенштейн, Л. Философские исследования / Людвиг Витгенштейн ; пер. с нем. М. С. Козловой // Языки как образ мира ; сост. К. Королёва. – М. : ООО «Издательство АСТ» ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. – С. 427.

²⁵ Грязнов, А. Ф. Аналитическая философия / А.Ф. Грязнов ; сост. и ред. А. А. Лавровой. – М. : Высш. шк., 2006. – С. 153.

²⁶ Витгенштейн, Л. Философские исследования... – С. 220.

²⁷ Там же. – С. 231.

²⁸ Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4 / Аристотель ; общ. ред. А. И. Доватура ; АН СССР, Ин-т философии. – М. : Мысль, 1984. – С. 669.

²⁹ Миллер, Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры / Дж. Миллер // Теория метафоры : сб. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 236.

³⁰ Кубрякова, Е. С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова ; Рос. академия наук ; Ин-т языкознания. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 21.

³¹ Витгенштейн, Л. Философские исследования / Людвиг Витгенштейн ; пер. с нем. М. С. Козловой // Языки как образ мира ; сост. К. Королёва. – М. : ООО «Издательство АСТ» ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. – С. 230–231.

³² Там же. – С. 250.

³³ Сокулер, З. А. Проблема обоснования знания : (Гносеологические концепции Л. Витгенштейна и К. Поппера) / З. А. Сокулер ; отв. ред. Е. А. Мамчур. – М. : Наука, 1988. – С. 112.

³⁴ Витгенштейн, Л. Философские исследования... – С. 435.

³⁵ Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1... – С. 103.

³⁶ Витгенштейн, Л. Философские исследования... – С. 229.

³⁷ Там же. – С. 250.

³⁸ Там же. – С. 433.

³⁹ Там же. – С. 424.

⁴⁰ Там же. – С. 422–423.

⁴¹ Там же. – С. 352.

⁴² Там же. – С. 433.

⁴³ Там же. – С. 434.

⁴⁴ Там же. – С. 433.

⁴⁵ Там же. – С. 223.

⁴⁶ Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1... – С. 167.

⁴⁷ Кравченко, А. В. Является ли язык репрезентативной системой?... – С. 145.

⁴⁸ Там же. – С. 151–152.

⁴⁹ Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1... – С. 167.

⁵⁰ Кравченко, А. В. Является ли язык репрезентативной системой?... – С. 152.

⁵¹ Там же.

⁵² Выготский, Л. С. Собрание сочинений. Т. 1... – С. 116.

⁵³ Там же. – С. 115.

⁵⁴ Витгенштейн, Л. Философские исследования... – С. 246.

⁵⁵ Там же. – С. 241.

⁵⁶ Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 2... – С. 182.

- ⁵⁷ Витгенштейн, Л. Философские исследования... – С. 242.
- ⁵⁸ Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 2... – С. 313.
- ⁵⁹ Демьянков, В. З. *Studia Linguistica Cognitiva* – призыв к сотрудничеству / В. З. Демьянков // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание : методол. проблемы и перспективы. – М. : Гнозис, 2006. – С. 5.
- ⁶⁰ Витгенштейн, Л. Философские исследования... – С. 318.
- ⁶¹ Там же. – С. 428.
- ⁶² Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 2... – С. 238.
- ⁶³ Там же. – С. 347.
- ⁶⁴ Там же. – С. 21.
- ⁶⁵ Карпов, А. Е. Мои лучшие партии / Анатолий Карпов. – М. : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2002. – С. 10.
- ⁶⁶ Ботвинник, М. М. Аналитические и критические работы... – С. 41.
- ⁶⁷ Там же. – С. 149.
- ⁶⁸ Каспаров, Г. Шахматы как модель жизни... – С. 248.
- ⁶⁹ Там же. – С. 254.

В. А. Фирсов

НАУЧНЫЙ ПОИСК МЕТОДОЛОГИИ САМОРАЗВИТИЯ МАЛЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ГРУПП

В статье предлагается рассмотреть вопрос о том, как повысить производительность труда работников промышленных предприятий России, упирается в решение другой задачи, связанной со стратегией управленческой деятельности. В данной работе предлагается в качестве основополагающей концепция саморазвития, которая описывается на уровне малых производственных групп и имеет социально-философский статус.

Ключевые слова: научный поиск, саморазвитие, малые производственные группы, социально-философский подход.

Субстанциально-системная методология самодвижения, саморазвития в ее широком, философском выражении была разработана выдающимся философом, ученым Вячеславом Андреевичем Кайдаловым¹ еще в 70-е годы XX века. Однако именно в последние годы возрос интерес к проблеме саморазвития со стороны, в первую очередь, современного менеджмента. Научный поиск осуществляется в направлении понимания механизма саморазвития организаций. В это же время появились различные модели, описывающие механизм саморазвития организаций, среди которых можно выделить следующие: организации, построенные на основе сети организационно-предпринимательских единиц²; обучающиеся организации³; горизонтальные организации⁴; биокорпорации⁵.

Можно констатировать, что объединяющим началом этих подходов является применение структурно-функциональной методологии, которая имеет много ограничений, не позволяющих использовать ее для раскрытия сути происходящих процессов в саморазвивающейся организации. Такие же ограничения, на наш взгляд, имеют концептуальные построения, которые мы объединили в так называемый эмпирико-психологический подход. Подробно критический разбор этих подходов